

ВОЙНА И МЫ

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

ВТОРЖЕНИЕ

**22 ИЮНЯ
1941 ГОДА**

Война и мы

Алексей Исаев

Вторжение. 22 июня 1941 года

«Яуза»

2016

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11

Исаев А. В.

Вторжение. 22 июня 1941 года / А. В. Исаев — «Яуза»,
2016 — (Война и мы)

ISBN 978-5-906716-46-0

«Когда начнется «Барбаросса», мир затаит дыхание и потеряет дар речи!» – так говорил Гитлер. А после разгрома Франции фюрер заявил: «Поверьте мне, в сравнении с этим кампания против России будет детской игрой». Однако первый же день войны против СССР показал, как он ошибался, – уже 22 июня 1941 года гитлеровцам пришлось признать: «Противник упорно и храбро сражается до последнего. О перебежчиках и сдавшихся в плен не сообщается. Бои гораздо серьезнее, чем во время Польской и Западной кампании...» В этой книге ведущий военный историк не только восстанавливает ход Вторжения на всех фронтах, от Прибалтики до Черного моря, но и опровергает многочисленные мифы о первом дне Великой Отечественной: «Что же позволяет взглянуть на 22 июня другими глазами? Прежде всего, это работа с документами противника, сопоставление которых с отечественными данными дало немало пищи для размышлений. Выяснилось, что уже в первый день войны немецкое командование вынуждено было серьезно скорректировать первоначальный план действий своих войск на Украине под влиянием упорного сопротивления Красной Армии. Это глубочайшее заблуждение, что 22 июня 1941 года разворачивалось как по нотам для сил вторжения...» (Алексей Исаев)

УДК 94(47+57)"1941"
ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-906716-46-0

© Исаев А. В., 2016

© Яуза, 2016

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
Часть вторая	31
Мастера «блицкрига»: 4-я танковая группа	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Алексей Исаев

Вторжение. 22 июня 1941 года

Автор благодарит Н. Власова, П. Козлова, М. Синицына и А. Томзова за неоценимую помощь в работе над этой книгой.

© Исаев А. В., 2016

© ООО «Яуза-каталог», 2016

Предисловие

Прошлое уже нельзя изменить. Исторические события таковы, как они произошли 10, 50 или 100 лет назад. Однако далеко не всегда остается статичным наше знание о них. Обнаружение новых документов, сопоставление данных из разных источников позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо изученные моменты истории отечества.

За несколько лет, прошедших с момента издания книги «22 июня. Черный день календаря», написанной в соавторстве с Артемом Драбкиным, объем знаний о первом дне войны значительно вырос. Это заставило задуматься о написании новой книги, не просто очерка основных событий первого дня войны вкупе с объяснением причин происшедшего, но выстраивания детальной, подробной картины боевых действий 22 июня 1941 г. на всем пространстве от Балтики до Черного моря. Кто сражался, кто отступил, кто был героем, а кто антигероем первого дня войны. Что вообще происходило на всем гигантском извилистом фронте от Паланги до Перемышля? В конце концов, спустя 75 лет мы имеем право знать, что происходило в приграничной полосе в то роковое для всей страны воскресенье. Поэтому в этой книге я не углубляюсь в вопросы военного строительства и планирования сторон, сосредотачиваясь на собственно боевых действиях первого дня войны. Позволю себе лишь напомнить некоторые существенные и важные для событий именно 22 июня 1941 г. детали. Относительно общего состояния Красной Армии и вермахта многое уже было сказано на страницах моих предыдущих работ.

Много лет мне не давала покоя простая мысль о том, что ушедшие из казарм или летних лагерей на войну солдаты и командиры Красной Армии еще не знали о грядущей катастрофе. Они строились в маршевые колонны или занимали места на позициях, будучи овеяными кинофильмами, книгами и песнями о том, что «Всколыхнется страна, велика и сильна, и врага разобьем мы жестоко...». Те, кто шли в бой, еще не знали о быстрой потере Минска, трагедии Киева, о череде окружений и отступлений первых месяцев войны. Они были уверены в себе и во вверенной им технике (при всех оговорках относительно реального ее, техники, состояния).

Мы сейчас, спустя много десятилетий, знаем, что обстановка утром 22 июня давала бойцам и командирам приграничных частей мало шансов даже на простое выживание в пламени первых боев. Они всего этого еще не знали. Причем подъем с кровати под огнем был скорее исключением из правил. У большинства была возможность подняться по тревоге и привести себя в порядок, располагая минутами, если не часами, до встречи с противником. Томительное ожидание на позициях, лихорадочное «вгрызание» в землю в последние мирные часы или марш под палящим солнцем – у всех был свой путь на войну. По существу схватка между силами вторжения и войсками армий прикрытия распалась на множество боев, атак и контратак на всем протяжении границы. В этих боях немецкие и советские части вели каждая свою войну. Немалое число солдат вообще шли в бой первый раз в жизни (причем не только со стороны Красной Армии).

Впереди у людей в униформе мирного времени, еще не переживших ад позиционных боев или скитаний по лесам после окружения, был целый день. Причем не просто целый день, а самый длинный день в году, начавшийся с первыми лучами солнца и закончившийся в крошечной тьме июньской ночи. За время этого дня многое могло измениться, и фортуна могла успеть отвернуться от одних и повернуться к другим. Это глубочайшее заблуждение, что 22 июня 1941 г. разворачивалось как по нотам для сил вторжения. «Туман войны» густо окутывал поле сражения, и решение задач со многими неизвестными в подготовительный период далеко не всегда оказывалось правильным и адекватным реальной обстановке.

Что же позволяет взглянуть на 22 июня другими глазами? Прежде всего, это работа с документами противника, сопоставление которых с отечественными данными дало немало пищи для размышлений. Выяснилось, что уже в первый день войны немецкое командование вынуждено было серьезно скорректировать первоначальный план действий своих войск на Украине под влиянием упорного сопротивления Красной Армии. Под Брестом в Белоруссии имело место серьезное отставание наступления 2-й танковой группы от запланированного графика. В Прибалтике, на территории самого слабого округа, имелись отдельные узлы ожесточенного сопротивления, заставлявшие если не радикально переписывать планы, то менять задачи отдельных соединений.

Одним словом, 22 июня 1941 г. вовсе не было однозначно успешным для всех соединений вермахта и однозначно неуспешным для всех оказавшихся на их пути советских частей и подразделений. Не все, и, можно даже сказать, далеко не все, войска в приграничных округах СССР оказались застигнуты врасплох. Против Красной Армии работали мощные внешние факторы, перевешивавшие внезапность начала войны. В целом первый день боевых действий стал завязкой упорной борьбы на советско-германском фронте.

Также необходимо подчеркнуть, что написание истории страны – это всегда коллективный труд, его формирует научное сообщество. Взаимодействие и научная дискуссия позволяют выстраивать сбалансированную картину происходившего. В последние годы огромный вклад в изучение событий 1941 г. сделан такими исследователями, как М. Э. Морозов (в отношении действий советского ВМФ и морской авиации), Р. Алиев (Брестская крепость), М. Тимин (в отношении подготовки и действий ВВС Красной Армии) и С. Б. Булдыгин (Прибалтийский округ). Их работы, некоторые моменты которых можно смело называть открытиями, безусловно, требуют учета и внимания в описании начала войны.

Часть первая

Когда мир затаит дыхание

Когда начнется «Барбаросса», мир затаит дыхание и потеряет дар речи!

Адольф Гитлер

*В целом мире нигде нету силы такой,
Чтобы нашу страну сокрушила.*

Песня из кинофильма «Если завтра война»

В 1938 г., когда на экраны Советского Союза вышел фильм «Если завтра война», мало кто мог предсказать разрушительную мощь новых средств борьбы, со всей ужасающей очевидностью продемонстрированную в 1940 г. Прецедент силы, способной сокрушить русскую государственность, уже имелся в прошлом – монголы. Монголы нового времени, уже не на лошадях, а на танках, тягачах и автомобилях, пришедшие не с востока, а с запада, грозили смертью и опустошением. Тем более наша страна не считалась еще сильным противником. Вскоре после окончания кампании на Западе в 1940 г. упоенный успехом Гитлер сказал начальнику штаба верховного командования вооруженных сил Германии: «Мы сейчас показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, кампания против России будет детской игрой в сравнении с этим». В рейтинге армий мира Красная Армия на тот момент, безусловно, стояла ниже французской и считалась относительно слабым противником.

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Те же слова были повторены фюрером на совещании в штабе оперативного руководства вермахта 9 января 1941 г. Он сказал следующее: «Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40–50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжит войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступле-

ния в войну. Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40–50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд люфтваффе и военно-морского флота».¹ Примерно в том же духе Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» фон Боком 2 февраля 1941 г. Последний записал слова фюрера в своем дневнике в следующей формулировке: «Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена». То есть перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, постоянно озвучивавшаяся на совещаниях руководства.

¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР. Смоленск: Русич, 2000. С. 125.

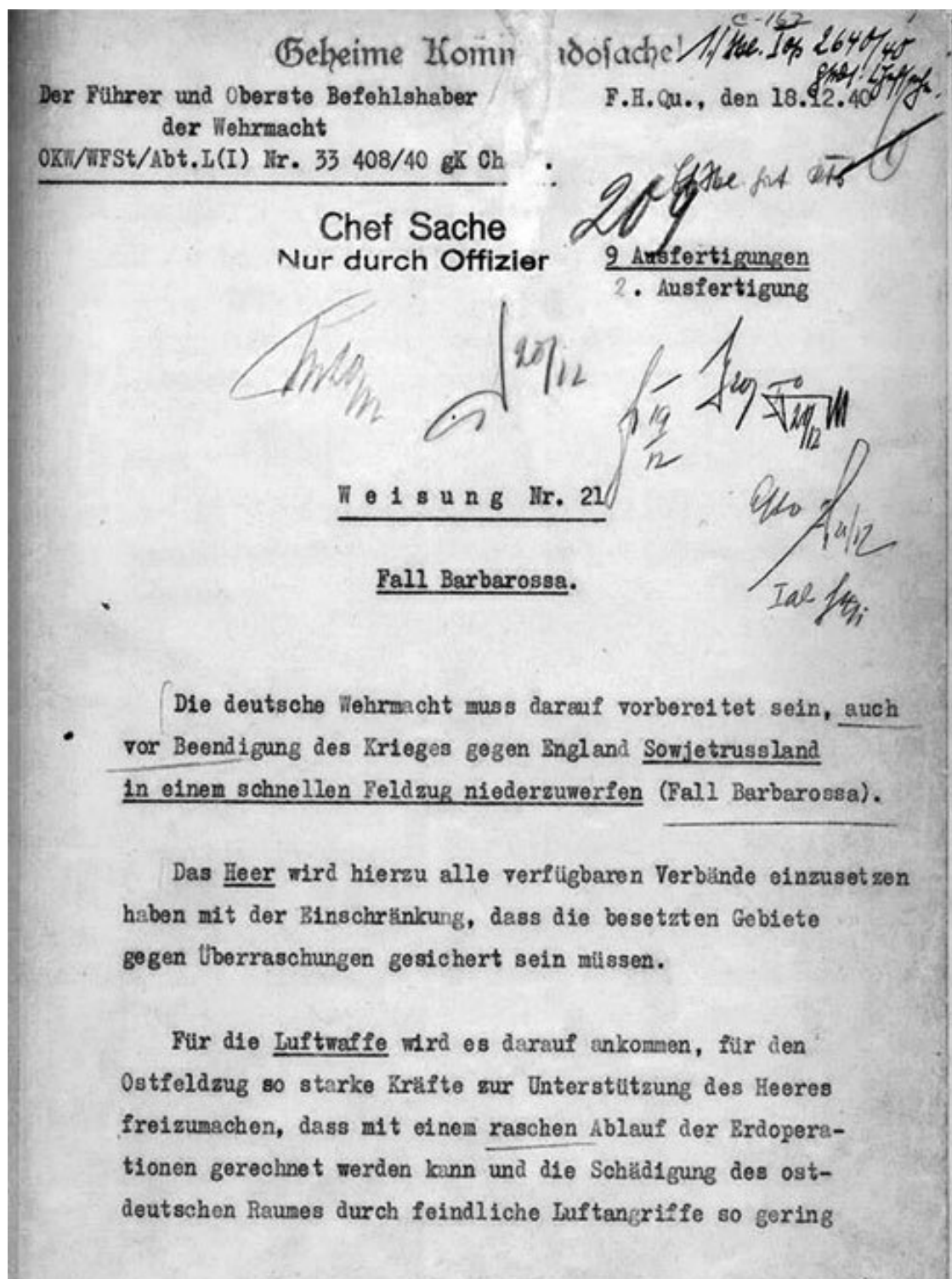

С. К. Тимошенко осматривает 45-мм противотанковую пушку на предвоенных учениях. Стоят Г. К. Жуков и К. Е. Ворошилов.

Изначально сделанная ставка на силовое решение проблемы и переоценка своих возможностей привели к введению в заблуждение советского руководства относительно реальных планов Германии. Не было прощупывания на дипломатическом уровне возможности получения от СССР тех или иных материальных благ или территорий. Не было прямых обвинений (например, в сотрудничестве с Англией, с которой Германия находится в состоянии войны). Нападение Германии на СССР в 1941 г. было особым случаем в истории войн.

После принятия политическим руководством Третьего рейха летом 1940 г. политического решения о нападении на СССР военное руководство немецких вооруженных сил начало вести работу по разработке военных планов разгрома советских вооруженных сил. Наконец, 21 декабря 1940 г. окончательный вариант плана был утвержден фюрером. Он остался в истории как Директива № 21. Гитлер дал ей название «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено».²

² 1941 г. Документы. С. 452.

Первая страница Директивы № 21 «Барбаросса». Факсимиле документа.

Направлением главного удара было выбрано московское направление. В Директиве № 21 было сказано:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии».

Таким образом, германские войска, предназначенные для ведения войны с СССР, были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг».

«Охотничьи соколы». Главным инструментом, предназначенным для достижения целей, поставленных планом «Барбаросса», должны были стать танковые группы. На тот момент они, безусловно, были вершиной развития организации танковых войск не только в Германии, но и во всем мире. Танки стали одним из главных действующих лиц на поле боя Второй мировой войны. Однако характер их использования по сравнению с 1916–1918 гг. существенно изменился. Характерные для того периода атаки танков совместно с пехотой остались, но они были лишь одним из способов применения бронетехники. Большим шагом вперед стало создание самостоятельных механизированных соединений – танковых и моторизованных дивизий. Немцы длительное время опережали своих противников в создании и применении этого средства борьбы. Согласно «Директивам по вождению танковой дивизии» 1940 г., указывалось: «Бронетанковая дивизия действует, как правило, в составе бронетанкового корпуса». Немецкий танковый, точнее моторизованный, корпус образца июня 1941 г. состоял из одной-двух танковых и двух или одной моторизованной дивизий. Иногда ему придавались пехотные дивизии. Танковые группы в том виде, в котором они существовали к началу войны с СССР, являлись промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входило два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчинять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому без восторга. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя.

При численности танковой группы от 130 до 200 тыс. человек и полной механизации и моторизации ее основных соединений она могла использоваться для прорывов на большую глубину. Такая масса людей и техники обладала достаточной самостоятельностью для действий в отрыве от основных сил группы армий. Бывший командующий 1-й танковой группой Эвальд фон Клейст, уже в советском плену, охарактеризовал свойства этого объединения любопытным и даже где-то поэтическим сравнением: «Танковую группу как средство оперативного управления армейской группировкой можно сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки,³ наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя».⁴

Первой танковой группой стала ТГр Клейста в мае 1940 г. во Франции. Наступление танковой группы Клейста во Франции привело к отсечению и оттеснению к морю группировки англо-франко-бельгийских войск численностью почти 1 млн человек. К началу войны с СССР в вермахте было четыре танковых группы. Соответственно 1-я танковая группа Э. фон Клейста подчинялась ГА «Юг», 2-я и 3-я танковые группы (под командованием Г. Гудериана и Г. Гота) – ГА «Центр» и 4-я танковая группа Э. Гепнера – ГА «Север».

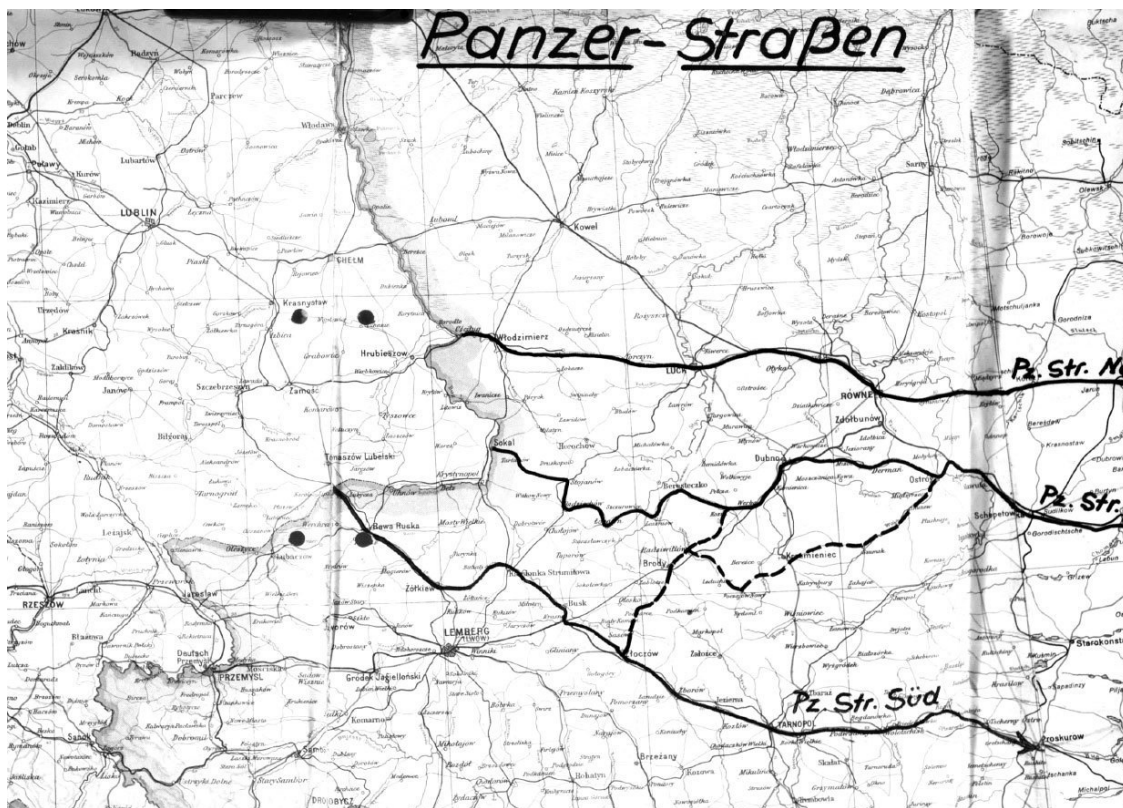
Одним из краеугольных камней германского военного планирования была концепция выбора и точного определения так называемых «панцерштрассе» (Panzerschtrasse – букв. «танковая дорога»). Иногда в документах ее также называли Rollbahn (автогужевое шоссе, рулежная дорожка в авиации). В «Директивах по вождению танковой дивизии» 1940 г. указывалось: «Предельное использование скорости дивизии обеспечивается предоставлением ей хороших дорог с мостами большой грузоподъемности и освобождением этих дорог от других частей».⁵ Соответственно, концепция «панцерштрассе» предусматривала заблаговременное выявление в полосе предстоящего наступления дорог, которые могли бы стать осью продвижения механизированных соединений.

³ Вероятно, неудачный перевод, скорее всего имеется в виду «группа армий». – Прим. автора.

⁴ Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М.: МФД, 2009. С. 63.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11351. Д. 31. Л. 152.

зированных соединений. Танки и БТР, разумеется, могли действовать вне дорог. Однако многочисленный автотранспорт, тысячи автомашин, обеспечивавших снабжение танковых частей, требовали хороших дорог с твердым покрытием.

Расположение трех «панцерштрассе» в полосе действий группы армий «Юг». Факсимиле немецкой карты.

Обычно «панцерштрассе» представляли собой цепочку из соединяющих узлы дорог шоссе с твердым покрытием. С началом операции движение по этим дорогам подразделений пехотных дивизий строго воспрещалось. Разумеется, на практике имели место нарушения этого правила, но, по крайней мере, директивно это прямо и недвусмысленно запрещалось. «Панцерштрассе» могли быть использованы только для передвижения транспорта танковых соединений. Чаще всего одному моторизованному корпусу выделялась одна «панцерштрассе». Родоначальник боевого применения танковых групп Э. фон Клейст выбрал для 1-й танковой группы три «панцерштрассе» в полосе наступления ГА «Юг». Для 2-й и 3-й танковых групп были выбраны по две «панцерштрассе». Дополнительно для 3-й ТГр Г. Гота выделялась запасная «панцерштрассе», проходящая через Гродно. В 4-й ТГр «панцерштрассе» в явном виде не обозначались, но осью наступления все равно выбирались крупные магистрали. В приложении к событиям 22 июня 1941 г. это важно, поскольку с самого первого дня развернулась борьба за обладание этими крупными автомагистралями. Предложения об использовании альтернативных маршрутов отклонялись командованием танковых групп. Особенно ярко это проявилось в отношении 1-й танковой группы.

Однако не у всех эта концепция вызывала положительные эмоции. Опытный пехотный командир Фридрих Хоссбах (к началу войны с СССР – полковник, возглавлявший 82-й пехотный полк) позднее писал: «Появление в армии моторов уничтожило это проверенное веками уважительное отношение к пехоте. Лучшие дороги стали отдавать в распоряжение моторизованных и механизированных соединений, чтобы лучше использовать их подвижность и беречь их материальную часть. В распоряжении пехоты остались самые плохие дороги. Такой подход

показался обоснованным в условиях Западной Европы с ее сетью превосходных дорог. Однако в условиях бездорожья восточного театра военных действий такая тактика привела к резкому затруднению продвижения пехотных частей». ⁶ Далее Хоссбах выразился даже резче: «Высокопоставленные командиры и их помощники [...] в большой мере утратили представление о границах возможного». Своя правда в этих словах есть – действовавшей совместно с танковыми соединениями пехоте действительно приходилось трудно, и неизбежно возникали трудности относительно использования «панцерштрассе». Тем не менее проблема не была всеобщей: танковые группы наступали на ключевых направлениях, оставляя немало места для маневрирования пехоты на направлениях вспомогательных. Здесь пехота вермахта могла наступать, не оглядываясь на выбор дорог подвижными частями.

⁶ Хоссбах Ф. Пехота вермахта на Восточном фронте. 31-я пехотная дивизия в боях от Бреста до Москвы. 1941–1942. М.: ЗАО Центрполиграф. 2014. С. 54–55.

Немецкая штурмовая группа ведет бой за советский ДОТ на новой границе. Фото постановочное, но повреждения ДОТа не оставляют сомнений, что он подвергся удару реальной штурмовой группы, возможно, за несколько часов до снимка.

Штурмовые группы. «Блицкриг» обычно ассоциируют с танками и танковыми войсками, однако первым камнем в фундамент технологии «молниеносной» войны стала тактика боя пехоты, выработанная в общих чертах в конце Первой мировой войны 1914–1918 гг., известная как тактика штурмовых групп. Основной идеей этой тактики являлось максимально возможное использование маневра и огня наступающих пехотных подразделений для довершения разгрома обороны противника. Ввиду возросшего могущества обороны, даже самая сильная артиллерийская подготовка не могла полностью уничтожить ее систему огня. Французская идея «артиллерия разрушает, пехота занимает» не работала и приводила к колоссальным потерям. Более продуктивной оказалась идея «артиллерия разрушает, пехота добивает». Атакующие пехотные подразделения, перекатывая в своих боевых порядках легкие орудия калибром 37–75 мм, добивали огнем пулеметов и орудий оживающие после артподготовки огневые точки противника. Также штурмовые группы активно использовали уже пробитые в обороне бреши для просачивания в глубину, обхода и атак оставшихся узлов сопротивления с флангов и тыла. Далее захваченные позиции закреплялись с помощью инженерных средств, которые штурмовые группы также несли с собой. В послевоенный период эта тактика получила свое логическое развитие с принятием на вооружение специальных легких орудий, способных перемещаться вместе с атакующей пехотой. Речь идет прежде всего о 75-мм полковой пушке leIG18. Также немцы активно использовали в составе штурмовых групп 37-мм противотанковые пушки. Они не были лучшим средством борьбы с новейшими танками, но вполне эффективно использовались как средство поддержки атаки пехоты. 22 июня в бой пошли новейшие 50-мм противотанковые пушки.

Немецкие пехотинцы у ДОТа «Линии Мажино». Германская армия в 1940 г. получила не только опыт операций механизированных соединений, но и опыт штурма долговременных укреплений.

«Капля долбит камень не силой, но частотой падения...» – толстая броня колпаков «Линии Мажино» раскалывалась после множества попаданий.

Казалось бы, все эти вещи далеки от «блицкрига», но это обманчивое впечатление. Адаптация тактики штурмовых групп пехотой вермахта в целом повышала эффективность наступательных действий всех подразделений, в том числе мотопехотных. Это позднее стало одним из факторов успешных атак немецкой мотопехотой французской обороны на Маасе в мае 1940 г., и июньского прорыва «линии Мажино».

Советские специалисты позднее так описывали немецкую тактику:

«Для действия против долговременных огневых точек немцы создают из саперов специальные блокировочные отряды. Такой блокировочный отряд составляется из 30–40 человек... [...]

Если нужно, дымовая подгруппа ставит непосредственно перед долговременной огневой точкой дымовую завесу. Ударная подгруппа продельывает проходы в проволочных заграждениях и пропускает подрывную подгруппу, которая подползает к долговременной огневой точке для разрушения выходящих на поверхность частей сооружения (броня, стволы орудий, пулеметы, вентиляционные отверстия). Через образовавшиеся после взрывов разрушения в амбразурах подрывники забрасывают защитников долговременной огневой точки ручными гранатами. С тыла под прикрытием дымовой завесы подбирается огнеметная подгруппа, которая выжигает входные двери казематов».⁷

⁷ Разведывательный бюллетень № 25. Германская тактика (по опыту войны СССР с Германией). М.: Воениздат НКО СССР, 1942. С. 70–71.

Еще одним фактором, обеспечившим немцам успешный прорыв «линии Мажино» (а немалое число ее фортов были именно взяты штурмом), стало использование 88-мм зениток. В ходе штурма форта (точнее «овража», комплекса долговременных сооружений) «Фермон» у Лонгийона 17 июня 1940 г. поддерживавшие 183-ю пд две 88-мм зенитки с дистанции 6 км выпустили 160 снарядов за четыре часа и пробили дыру диаметром около метра в основном артиллерийском сооружении форта. Последние из выпущенных снарядов разрывались уже внутри форта. Хотя именно форт Фермон в итоге выстоял, 88-мм зенитки оказались эффективнее осадной артиллерии, в том числе 305-мм гаубиц.

Более результативным был штурм форта Керфен соединениями немецкой 1-й армии. После трехчасового обстрела 88-мм зенитками, серьезно повредившими форт, в атаку пошли штурмовые группы. Финалом штурма был обстрел из 88-мм зенитки с дистанции всего 100 метров. В итоге гарнизон форта капитулировал. Любопытно отметить, что на этом направлении у немцев вообще отсутствовала сверхтяжелая артиллерия. Дивизии, штурмовавшие линию Мажино в составе XXXV корпуса, располагали лишь 150-мм дивизионными гаубицами. Исследования французских укреплений уже после падения Франции показали, что бронеколпаки с толщиной брони около 300 мм, теоретически неуязвимые для полевой артиллерии и 88-мм пушек, от массированного обстрела все же раскалывались и разрушались, что в итоге вело к потере боеспособности всего сооружения.

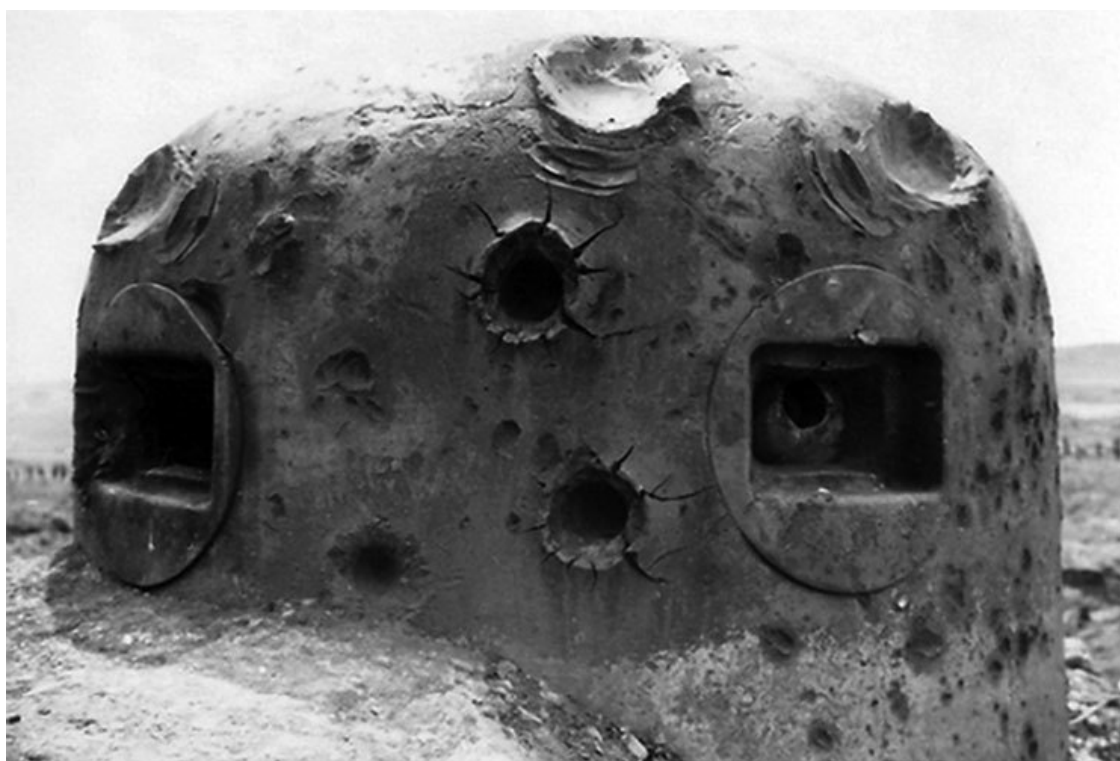
В более традиционном стиле при поддержке авиации и тяжелой артиллерии проходил штурм укреплений «линии Мажино» в северном Эльзасе. Здесь 215-я пд атаковала «овражи» 19 июня 1940 г. при поддержке 355-мм и 420-мм орудий, а также пикирующих бомбардировщиков. Однако двухчасовая артиллерийская подготовка и 30-минутный налет Ю-87 не возымели ожидавшегося эффекта. Как отмечалось в истории соединения, «вопреки ожиданиям разрушительный огонь тяжелой артиллерии и пикирующих бомбардировщиков, несмотря на свое устрашающее моральное воздействие, так и не смог вывести из строя бронированные бункеры».⁸ Разумеется, некий эффект все же был. В частности, были разрушены линии связи между сооружениями. Но гарнизоны вполне сохраняли боеспособность. В этих условиях именно штурмовые действия пехоты и приданные в последний момент 88-мм зенитки и 20-мм зенитные автоматы стали основными средствами борьбы с французскими долговременными укреплениями. Немецкие пехотинцы поднимались на крыши сооружений и использовали мощные подрывные заряды для подавления сопротивления противника. Как позднее отмечалось в истории соединений, изрешеченный бронеколпак одного из «овражей» в полосе 215-й пд был помещен в учебник как пример эффективного подавления долговременного сооружения противотанковыми пушками. Успех штурмовых групп дивизии обусловил вскрытие того факта, что во время обстрела французы закрывали амбразуры бронезаслонками. Соответственно, это позволяло немцам подбираться ближе к фортам в процессе артподготовки. Прорыв «линии Мажино» стоил 215-й пд всего 31 убитого и 108 раненых.

Накопленный опыт штурма долговременной фортификации никуда не делся и в 1941 г. применялся для прорыва советских укреплений. Зачастую в атаках на советские укрепрайоны участвовали конкретные соединения, уже имевшие опыт прорыва «линии Мажино» в той или иной форме. Это были, например, 257-я и 75-я пехотные дивизии. Опыт использования 88-мм зениток уже по результатам осмотра захваченных сооружений был правильно оценен, и 22 июня как средство борьбы с ДОТами уверенно направляли 88-мм зенитки. Кроме того, подоспели разрабатывавшиеся изначально для сокрушения «линии Мажино» 600-мм мортиры «Карл».

Удары по аэродромам. Одним из излюбленных методов люфтваффе в борьбе с авиацией противника являлось ее уничтожение на аэродромах. Причем нельзя сказать, что аэро-

⁸ Шельм В., Мерле Г. 215-я пехотная дивизия. 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2015. С. 22.

дромы обязательно должны были «спать». Участие «Легиона Кондор» в гражданской войне в Испании дало немцам бесценный опыт и стало своего рода полигоном для отработки тактики и стратегии такой борьбы. В ночь на 2 октября 1936 г. 2 принадлежавших франкистам бомбардировщика Ю-52 бомбили республиканский аэродром Хетафе. На нем выстроились в линию 9 самолетов, составлявшие основу республиканской авиации на мадридском направлении. Они были уничтожены одним ударом. В дальнейшем немцы непрерывно оттачивали в Испании тактику удара по аэродромам. Так, на Северном фронте в 1936–1937 гг., где активно действовал «Легион Кондор», из 62 потерянных республиканцами И-15 и И-16 около трети (18 машин) было уничтожено на аэродроме бомбардировкой противника. Поэтому было бы большой ошибкой считать германский план уничтожения ВВС Красной Армии на аэродромах чем-то новым и из ряда вон выходящим в практике люфтваффе.

Исхлестанный снарядами 88-мм пушек бронеколпак «Линии Мажино». Через год теми же методами будут штурмоваться советские ДОТы на новой границе.

Следует отметить, что немецкий опыт в ударах по аэродромам на Западе в кампании 1940 г. часто неправильно оценивается, если не сказать сильнее – абсолютно неверно интерпретируется. Несмотря на то что к началу немецкого наступления 10 мая 1940 г. боевые действия длились уже много месяцев, эффект от ударов все равно оказался впечатляющим. Статистика потерь ВВС противников Германии на Западе показана в таблице.

Таблица. Безвозвратные потери авиации союзников 10 мая 1940 г..⁹

⁹ Кондратьев В. Статистика блицкрига // Авиапарк № 3, 2010. С. 23.

	На земле	От зенитного огня	В воздушных боях	Всего
Франция	68 (69 ²)	1	19	88 (89)
Великобритания	7	25	20	52
Бельгия	86 (133)	3	4	93 (140)
Нидерланды	62 (115)	1	33	96 (149)
Итого	223 (324)	30	76	329 (430)

Немцы осматривают сгоревший на летном поле французский истребитель MS.406.

Конечно, наиболее эффективными оказались авиаудары по аэродромам остававшейся до 10 мая 1940 г. нейтральной Бельгии. Причем хотелось бы отметить, что дело не ограничилось одним смертоносным налетом в утренние часы. Бельгийская эскадрилья 3/II/2 в 5.30 потеряла три «Фиата» CR.42 в ангаре на аэродроме Нивель (в том же ангаре сгорели еще 4 бомбардировщика Фейри «Бэтл»). Боеспособные самолеты из Нивеля были перегнаны на площадку у Брюстема. В 14.40, после доразведки, аэродром атаковали с бреющего истребители Me-109, а в 15.25 за ними последовали пикировщики Ю-87 из I/StG2. Было потеряно сразу 14 «Фиатов», все безвозвратно.¹⁰ Эскадрилья перестала существовать, потеряв 14 из 15 своих самолетов. Всего же бельгийцы потеряли 86 машин, т. е. более половины довоенной численности своих ВВС. Голландцам «повезло» больше – их аэродромы немцы берегли для высадки десантов. Однако те аэродромы, которые не имели перспектив для посадки десантов, получили полную дозу авиаударов. Так, на аэродроме Берген эскадрилья новых двухмоторных истребителей Фоккер G.I в 5.20 утра была буквально разгромлена: 12 из 14 самолетов были уничтожены или серьезно повреждены и впоследствии брошены.¹¹ Аэродром Де Коой выдержал три атаки люфтваффе – в 7.50, в 8.40 и в 12.00. Шесть базировавшихся на этом аэродроме «Фоккеров» D.XXI эскадрильи 1-II-1 были повреждены еще утром (четыре позднее восстановлены), три

¹⁰ Cornwell Peter D. The Battle of France. Then and Now. After the Battle. 2008. P. 198.

¹¹ Cornwell P. Op. cit. P. 193.

сожжены в 12.00.¹² Только усилия механиков позволили избежать больших потерь и списания поврежденных самолетов (в том числе в воздушном бою при отражении налета).

В отношении ВВС союзников люфтваффе также добивались эффекта «спящего аэродрома», несмотря на продолжавшуюся уже довольно долго «странную войну». Наиболее результативным был налет на авиабазу в Альпрехе, где Хе-111 сожгли 12 купленных в США «Виндикеиторов» и еще 12 были списаны из-за повреждений. На аэродроме Камбрэ-Нержин в результате налета немецких «Хейнкелей» были уничтожены 8 истребителей Моран-Сольнье MS.406, еще 5 получили тяжелые повреждения, 13 – более легкие.¹³ Точно так же, как в Бельгии (и, забегая вперед, в СССР тоже), немцы не ограничивались одним налетом в день, добиваясь нужного результата серией налетов на аэродромы. Причем воздействие было не только прямым, но и косвенным: французские бомбардировщики 10 мая 1940 г. не поднимались в воздух, налетов на перешедшие в наступление немецкие соединения со стороны французских ВВС в этот день не было.

Естественно, весьма интересным вопросом здесь становится «цена победы», т. е. собственные потери немцев при атаках на аэродромы. Стоила ли овчинка выделки? Люфтваффе потеряли в воздушных боях 10 мая 1940 г. 68 самолетов всех типов, еще 28 машин было сбито зенитками и 14 не вернулись с боевого задания.¹⁴ При этом бельгийские летчики могли записать на свой счет из числа реально потерянных 1 Do-17 и 2 He.111. Счет, прямо скажем, разгромный. В целом немецкие ВВС потеряли безвозвратно 110 (по другим данным 101) боевых самолетов. Потери противника, как мы видим, оказались в три раза большими. Общий результат дня 10 мая 1940 г. для немцев был несколько смазан потерями транспортников Ю-52, высаживавших десанты (еще 125 машин), но это уже совсем другая история. Операция против аэродромов союзников, Бельгии и Голландии, прошла вполне успешно.

Горящие на аэродроме самолеты Фейри «Фокс» бельгийских ВВС.

Неудивительно, что бомбардировки аэродромов стали важной частью воздушной войны против СССР. Причем опыт Бельгии и Голландии говорил о перспективности внезапного удара в момент перехода от мирного времени к военному, на который наложилась специфика состояния ВВС РККА в конкретном июне 1941 г.

¹² Cornwell P. Op. cit. P. 192.

¹³ Кондратьев В. Статистика блицкрига // Авиапарк № 3, 2010. С. 18.

¹⁴ Кондратьев В. Указ. соч. С. 23.

Команда Ровеля. Важнейшую роль в успехе, достигнутом в июне 1941 г., сыграла немецкая воздушная разведка, проводившаяся еще до начала войны. Эти полеты проводились так называемой командой Ровеля (Kommando Rowehl), названной так по имени ее командира – полковника Тео Ровеля. Официально она называлась «разведывательная группа главнокомандования люфтваффе» (Aufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe, сокращенно Aufkl. St. (F) /Ob. d. L.). Команда Ровеля была создана еще в 1933–1934 гг., когда люфтваффе еще официально не существовало в природе. Первоначально она использовала для разведки гражданские авиалайнеры. Надо сказать, что подопечные Ровеля не были новичками в небе СССР. Группа уже вела разведку в небе Советского Союза в середине 1930-х. Еще с 1934 г. немцы летали над Кронштадтом и фотографировали корабли Балтийского флота. Более того, один из самолетов команды Ровеля был потерян из-за аварии в ходе полета над Крымом. Советское руководство тогда отделялось вялыми протестами по дипломатическим каналам. Можно даже сказать, что разведывательная деятельность Ровеля не прекращалась за исключением периода с сентября до декабря 1940 г., когда Гитлер запретил все полеты разведчиков над советской территорией. Фюрер считал, что преждевременная интенсификация разведки может спугнуть противника. Поэтому не следует думать, что в 1941 г. советское руководство внезапно впало в идиотизм. Деятельность немецких самолетов-разведчиков просто уже стала привычной.

Разбитые немецким авиаударом на аэродроме Брюстем «Фиаты» CR.42 бельгийских ВВС.

Команда Ровеля возобновила работу над территорией СССР в первые месяцы 1941 г. К тому моменту в ее составе было четыре эскадрильи. Первая летала с аэродрома Краков в Польше, вторая – из района Бухареста в Румынии и третья – с аэродрома Хамина в Финляндии. Вопреки распространенному мнению, группа Ровеля не была поголовно вооружена высотными Ю-86Р. Первые три эскадрильи были вооружены преимущественно Дорнье-215, а также некоторым количеством Ю-88, Хе-111 и даже Ме-110. Высотные Ю-86Р попали в распоряжение команды Ровеля в 1940 г. и к 1941 г. были собраны в 4-й эскадрилье группы (пять Ю-86Р на апрель 1941 г.), известной также как «испытательный центр высотных полетов». Они летали с аэродромов в Бухаресте и Кракове. Всего командой Ровеля было выполнено свыше 500 полетов над территорией СССР.

Характерный профиль полета немецких разведчиков дает один из первых полетов группы Ровеля 6 января 1941 г. Самолет-разведчик пересек границу, углубился на 24 км и

далее пролетел 161 км над советской территорией и вернулся обратно. Вглубь территории Советского Союза летали, конечно, только высотные самолеты. При отсутствии у СССР в 1941 г. сплошного поля обзора воздушного пространства радиолокаторами полеты на высотах выше 10 тыс. метров были относительно безопасными. Но далеко не все полеты разведчиков проходили гладко. 15 апреля Ю-86Р, вылетевший из Кракова для фотографирования в район Житомира, был вынужден снизиться из-за неисправности двигателя. В районе Ровно самолет был сбит советским истребителем из 46-го ИАП. Причем именно сбит, а не потерпел аварию. В упавшем самолете, согласно записи в журнале управления ПВО по учету нарушений границы немецкими самолетами, было обнаружено пять пулевых пробоин.¹⁵ Пилотировал советский самолет флагштурман полка старший лейтенант П. М. Шалунов.¹⁶

После аварийной посадки пилот Ю-86 унтер-офицер Шнец и наблюдатель унтер-офицер Вальтер были арестованы НКВД. Они успели привести в действие подрывные заряды, уничтожившие камеры и оборудование кабины,¹⁷ но серьезной уликой против них была обнаруженная в самолете топографическая карта приграничных районов СССР. Немцы на допросах утверждали, что всего лишь заблудились в ходе тренировок по слепым полетам. Сбитый Ю-86 нес гражданские опознавательные знаки. Согласно немецкой версии событий, оба были впоследствии освобождены наступающими немецкими частями и вернулись в команду Ровеля.

В общем случае сбить летящий на большой высоте Ю-86Р было непростой задачей. Драматичный случай, завершившийся потерей сразу двух новейших истребителей МиГ-3, произошел в Прибалтике 10 апреля 1941 г. В этот день была предпринята попытка перехвата неопознанного самолета, вторгнувшегося в воздушное пространство СССР на большой высоте. С одного из каунасских аэродромов поднялось звено советских истребителей из 31-го истребительного авиаполка 8-й смешанной авиадивизии. На аэродром в Каунасе вернулся только один из них, пилотировавшийся младшим лейтенантом Акимовым. Летчик Аксютин приземлился на парашюте, а младший лейтенант Евтушенко разбился в катастрофе. Все три МиГа из-за резких маневров на большой высоте и малых скоростях свалились в штопор, из которого благополучно вывел свой самолет только Акимов. Видимо, сказался недостаточный опыт пилотирования новой машины. Погибший летчик Евтушенко на МиГ-3 не летал вовсе, а на МиГ-1 выполнил 13 полетов по кругу, не поднимаясь выше 5 тыс. метров.

Причем общее отставание ВВС Красной Армии в матчасти приводило к тому, что была возможность совершенно безнаказанно действовать вполне обычным, не высотным самолетам-разведчикам. С 17 по 19 июня 1941 г. только истребители ВВС Северного флота выполнили 42 самолето-вылета на перехват немецких разведчиков.¹⁸ Однако летавшие на высоте 5000–8000 метров разведчики Ю-88 во всех случаях без проблем уходили на свою территорию. Более того, когда 19 июня 1941 г. перехват оказался относительно результативным, нарушителя удалось догнать, на звено «чаек» И-153 72-го САП последовала контратака истребителя Ме-110. Пилоты ВВС Северного флота летали на И-16, И-153 и И-15бис.

С середины апреля до середины июня 1941 г. полеты команды Ровеля осуществлялись с завидной систематичностью – по три вылета в день. Главной их задачей было обновление информации, собранной в аналогичных полетах весной 1940 г. 21 июня 1941 г. 4-я эскадрилья команды Ровеля вернулась на место своего постоянного базирования, на аэродром Берлин-Рангсдорф, для продолжения разведки на Западе. Три остальные эскадрильи продолжили свою деятельность после начала войны. Результаты кропотливой работы «команды Ровеля»

¹⁵ Тимин М. Воздушное сражение 22 июня 1941 г. // *Авиация и космонавтика* № 1, 2016. С. 13.

¹⁶ Не вернулся из боевого вылета 7 августа 1942 г.

¹⁷ Thomas G., Kettley B. KG200. The Luftwaffe's most secret unit. Hikoki Publications, 2003. P. 28.

¹⁸ Марданов А. А. 1941: воздушная война в Заполярье. М.: Яуза-каталог, 2015. С. 19.

позволили немецкому командованию спланировать гигантскую по своим масштабам операцию по разгрому ВВС приграничных округов на аэродромах.

Подкалиберные снаряды. Летом 1941 г. советские танки новых типов, KV и Т-34, стали сюрпризом для вермахта. Однако было бы большой ошибкой считать, что сюрпризы преподносила только Красная Армия. Вермахт преподнес сюрприз в лице высокоэффективных противотанковых средств нового поколения. Этими средствами стали подкалиберные снаряды. Они состояли из поддона катушечной формы из мягкого металла и твердосплавного сердечника, как правило, из карбида вольфрама. Для снижения аэродинамического сопротивления головная часть снаряда формировалась из алюминиевого, пластикового или штампованного из листа баллистического наконечника. Такой снаряд был легче обычного бронебойного и разгонялся до высоких начальных скоростей. При попадании в танк баллистический наконечник сминался, и в броню впивался твердосплавный сердечник. За счет высокой скорости и меньшего калибра такой сердечник пробивал более толстую броню, чем обычный снаряд такого же калибра. Взрывчатого вещества такие снаряды не имели, только стакан с трассирующим составом. Однако при пробивании брони от нагрузок сердечник обычно разрушался, и множество раскаленных осколков поражали экипаж, боеприпасы и горючее боевой машины.

Высотный разведчик Ю-86Р (Ju86R) на аэродроме. Такие машины использовались «командой Ровеля» для разведки в глубине территории СССР.

Для немцев разработка подкалиберных снарядов была мерой на перспективу безотносительно имевшихся оценок советской военной мощи. Собственно, список врагов Третьего рейха не начинался и не заканчивался Советским Союзом. Это привело к тому, что новые боеприпасы повышенной эффективности были запущены в массовое производство. Они получили обозначение PzGr.40. По состоянию на 1 мая 1941 г. в вермахте насчитывалось 86 700 подка-

либерных 50-мм выстрелов к танковым пушкам.¹⁹ Производство мая и июня давало еще по 40 тыс. штук ежемесячно. Согласно производственным планам, предполагалось довести боезапас подкалиберных выстрелов до конца года до 600 тыс. штук, т. е. до 250 на ствол планового количества танков без учета потерь и расстрела в «Барбароссе». Для сравнения: обычных бронебойных снарядов предполагалось произвести 1 млн 380 тыс. штук и осколочных – 2 млн 100 тыс. штук. К 37-мм танковым пушкам танков чешского производства имелось на 1 мая 1941 г. 190 тыс. подкалиберных выстрелов. К 20-мм танковым (именно танковым, использовавшимся на танках Pz.II и в тяжелых бронеавтомобилях) пушкам на 1 мая 1941 г. имелось 115 тыс. подкалиберных снарядов, пробивавших 40-мм брони на дистанции 100 м.

Противотанковую артиллерию также не обделили технической новинкой. Для 37-мм ПАК-35/36 на 1 мая 1941 г. немцы располагали ни много ни мало 1 млн 150 тыс. подкалиберных выстрелов, а 50-мм ПАК-38 на ту же дату располагали 36 800 подкалиберными выстрелами. Май и июнь 1941 г. должны были добавить по 20 тыс. штук подкалиберных выстрелов для ПАК-38, являвшейся наиболее мощной немецкой специализированной противотанковой пушкой германской армии. На сотни тысяч шел счет наличия подкалиберных выстрелов для 28-мм ПТП и 20-мм пушек. Мало было подкалиберных выстрелов для 47-мм трофейных чешских орудий, использовавшихся на самоходных установках Panzerjäger I. На 1 мая 1941 г. они вообще отсутствовали в наличии, было лишь запланировано их поступление в мае и июне.

Можно даже сказать, что в германской армии имел место своего рода «подкалиберный психоз». Способствовали ему контрабандные поставки вольфрама в Третий рейх, пресечь которые союзникам удалось только во второй половине войны. На вооружении германских войск имелись даже 7,92-мм патроны к винтовкам и пулеметам, оснащенные пулей с твердосплавным подкалиберным сердечником марки S.m.K (H).²⁰ По опыту первых боев с советскими танками БТ на Украине относительно возможностей их поражения в одном из немецких донесений указывалось: «Бронебойный патрон (S.m.K [H]) пробивает лобовую и бортовую броню».²¹ Об их существовании, кстати говоря, в СССР было известно со времен войны в Испании. Маршал К. Е. Ворошилов еще в 1937 г. на одном из своих выступлений произнес такие слова: «стреляют и просто винтовками со специальной пулей, которые пробивают броню до 15 мм».²² Это не было городской легендой. Командир немецкой танковой группы, направленной в Испанию, подполковник Тома писал в Берлин о положительных результатах их использования еще 6 декабря 1936 г. Тома отмечал, что безусловное преимущество советских пушечных танков над немецкими пулеметными Pz.I было уравновешено использованием специальных 7,92-мм пуль S.m.K. H. Они оказались способны пробивать броню Т-26 на дистанции 120–150 метров, на 200 метрах уже лишь оставляли небольшую лунку на броне.²³ Эти выводы подтвердил опыт войны с СССР летом 1941 г., в отчете 1-й егерской дивизии указывалось, что 7,92-мм бронебойные пули «пробивают их [легких танков] броню с дистанции 150 метров, не считая маску орудия, где броня достигает двойной толщины». Разумеется, это не уравнивало шансы Pz.I в дуэльном столкновении с Т-26 и БТ, но расширяло номенклатуру средств немецкой армии, способных поражать советские танки. Многочисленные легкие танки и бронеавтомобили Красной Армии могли быть выведены из строя, в том числе оружием пехоты при удачном попадании.

¹⁹ Waffen-Revue, № 33, S. 5279 (факсимиле документа).

²⁰ Spitzgeschoß mit Hartkern

²¹ NARA T313 R10 frame 7237005.

²² Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 314.

²³ Jentz T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933–42. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P. 46.

Новейшие средства поражения новых советских танков имелись уже в соединениях, стоявших ранним утром 22 июня 1941 г. на советской границе. Согласно графику бронепробиваемости противотанковых средств, розданному в войска перед началом «Барбароссы», уже имевшиеся снаряды вполне пробивали броню в 75 мм. График начинается со 120-мм, пробиваемых на 100 м подкалиберным снарядом ПАК-38. Как показала ближайшая практика, буквально в первые дни войны советский тяжелый танк КВ уверенно поражался с 400 м 50-мм подкалиберным снарядом противотанковой пушки ПАК-38. Да, подкалиберные снаряды не были панацеей, что заставило вести работы над 75-мм противотанковыми орудиями, дебютировавшими уже в 1942 г. Однако германские соединения, вопреки распространенному заблуждению, не были беззащитны перед советскими танками новых типов. Они обладали куда более внушительным арсеналом противотанковых средств, нежели, например, финская армия. Это в немалой степени уравнивало советское превосходство в бронетехнике, в том числе новых типов.

Изучение матчасти. На занятиях по устройству морской мины УМС. Технические новинки немцев в минном оружии не были прорывными, но осложнили жизнь морякам антигитлеровской коалиции.

Удар из глубины. Опыт войны с Финляндией помимо негативного опыта дал советскому флоту опыт успешного противостояния минным постановкам противника. Однако финны использовали мины устаревшей конструкции, не имевшие противотральной защиты. Также они содержали небольшой заряд взрывчатки.

Однако немцы ставили морские мины нового поколения типа ЕМС. Они снаряжались 285 кг «морской смеси» ТГА (тротил-гексоген-алюминий), что соответствовало приблизи-

тельно 450 кг тротила. Это приводило к тяжелым повреждениям или даже разрушению корпуса подрывающихся кораблей и судов. Углубление мины могло составлять от 60 до 0,5 м, то есть они могли применяться даже против мелкосидящих тральщиков. Минимальный минный интервал – 130 м. Главной же особенностью немецких мин было наличие индивидуальной противотральной защиты. Последняя представляла собой стальную гофрированную трубку КА длиной 27,3 м, насаженную на верхнюю часть минрепа. При захвате резак трала трубка не перерезалась им, а силой трения смещалась кверху, вследствие чего замыкался контакт, соединенный с запальным стаканом, и мина взрывалась электрическим током, поступавшим от специальной батареи. Трубка КА могла срабатывать также и при встрече с параванным охранителем. В этом случае смещение трубки кверху происходило либо при пересучивании ее поперек тралящей части охранителя, либо при попадании ее в резак паравана. Как выяснилось вскоре после начала войны, взрыв мины, захваченной параванным охранителем, мог произойти на различном расстоянии от борта корабля: от самого малого до 15–20 м. Иногда трубка КА срабатывала с некоторой затяжкой или же застревала в резке паравана и вовсе не срабатывала, вследствие чего мина подтягивалась близко к борту корабля. Это делало хорошо себя показавшие в финскую войну параваны-охранители скорее даже опасными для кораблей. Траление полей мин ЕМС также затруднялось и замедлялось противотральными устройствами.

Парадокс ситуации заключался в том, что в СССР имелись сведения о немецких новинках. А. В. Платонов пишет: «О наличии таких приспособлений в новейших немецких якорных минах стало известно в 1940 г., когда в Германии закупили несколько комплектов якорных мин и минных защитников различных образцов. В подчиненном Минно-торпедному управлению ВМФ Научно-исследовательском минно-торпедном институте подготовили описания этих образцов, переведенные с немецкого языка, но их не разослали на флоты».²⁴

Однако мины ЕМС с противотральной защитой были еще цветочками. Ягодками были неконтактные мины. Мины типа ТМВ предназначались для применения с подводных лодок, но ставились в основном с боевых катеров. Подлодочные мины типа ТМВ образца 1936 г. имели диаметр торпеды – 533 мм, но длину только 2,32 м. Они оснащались приборами срочности и кратности. Вес заряда мины составлял 560 кг, глубина постановки от 90 до 5 м. По состоянию на 22 июня 1941 г. перед неконтактными советский ВМФ оказался полностью безоружным. Иногда утверждается, что в СССР даже не подозревали о существовании неконтактных мин, но это не соответствует действительности. Однако средств для вытравливания этих мин по состоянию на 22 июня 1941 г. не было. Сглаживало проблему только сравнительно небольшое по масштабам использование неконтактных мин.

Одним словом, у границ СССР в ночь на 22 июня сосредоточилась армия, находившаяся на передовых рубежах тогдашней военной науки и располагавшая передовой боевой техникой. Все это только усугубляло эффект от упреждения в мобилизации и развертывании.

²⁴ Платонов А. В. Трагедии Финского залива. М.: Эксмо; СПб: Terra Fantastica, 2005. С. 602.

Часть вторая

ПрибОВО. Предупрежден – значит вооружен?

Прибалтийский особый военный округ, с одной стороны, находился в выгодном положении в сравнении с другими округами. Он успел получить приказы на приведение войск в состояние повышенной боевой готовности еще до войны. С другой стороны, ПрибОВО являлся слабейшим из всех особых округов, но при этом в первый день войны попал под удар сразу двух танковых групп. Еще одним неблагоприятным фактором было крайне недружественное отношение со стороны местного населения. Эта проблема, так или иначе, проявлялась во всех приграничных областях СССР, но в Прибалтике имела, пожалуй, наибольшую остроту и негативные последствия.

Прибалтийский военный округ был создан 11 июля 1941 г. для защиты морских и сухопутных границ Советского Союза и обеспечения безопасности новых советских республик. Первоначально в его состав были включены только войска, дислоцировавшиеся на территории Латвийской и Литовской республик. Приказом НКО № 0190 от 17 августа 1940 г. округ был переименован в Прибалтийский особый военный округ (ПрибОВО) с включением в него территории Эстонской ССР. Одновременно национальные армии прибалтийских государств были переформированы в 22, 24 и 29-й территориальные стрелковые корпуса Красной Армии. С началом боевых действий Прибалтийский особый военный округ становился Северо-Западным фронтом.

В июне 1941 г. в подчинении округа находились 19 стрелковых дивизий, 2 мехкорпуса (4 тд, 2 мд), 1 стрелковая бригада (на Сааремаа) и 1 воздушно-десантный корпус. Они объединялись управлениями трех армий: 8, 11-й и 27-й.

8-я армия генерал-майора П. П. Собенникова состояла из двух стрелковых корпусов: 10-го (10-я и 90-я стрелковые дивизии) и 11-го (48-я и 125-я стрелковые дивизии), а также 12-го механизированного корпуса. С началом военных действий в ее оперативное подчинение поступали два укрепленных района (УР), 9-я артиллерийская противотанковая бригада, а также 7-я смешанная авиационная дивизия (САД).

Соответственно 11-й армии генерал-лейтенанта В. И. Морозова были подчинены 16-й стрелковый корпус (5, 33 и 188-я стрелковые дивизии) и 29-й стрелковый корпус (179-я и 184-я стрелковые дивизии), 23, 126 и 128-я стрелковые дивизии (подчиненные непосредственно 11-й А), а также 3-й механизированный корпус. Средняя укомплектованность стрелковых дивизий армии генерала Морозова составляла от 9201 до 11 260 человек. Исключение составляли соединения 29-го территориального стрелкового корпуса. Они содержались по штатам сокращенного состава и насчитывали: 179-я – 5947 и 184-я – 5994 человека. В значительной степени это объяснялось недоверием к национальным кадрам. С началом военных действий в оперативное подчинение армии передавались два УРа, 10-я ПТАБР и 8-я САД.

Войска 27-й армии, которой командовал генерал-майор Н. Э. Берзарин, располагались в глубине построения войск округа. Две дивизии этой армии находились на побережье Балтийского моря от Таллина до Лиепайи, а 3-я отдельная стрелковая бригада – на островах Хиума и Сааремаа.

Укрепленные районы. Строительство укреплений на границе по понятным причинам началось в Прибалтике позже других направлений и поэтому находилось к началу войны в зачаточной стадии. По свидетельству помощника начальника отдела Инженерных войск Ленфронта майора Захарьина, принимавшего в 1941 г. участие в работах по строительству оборонительного рубежа на госгранице, укрепление границы Литовской ССР с Германией началось

фактически лишь с весны 1941 г., до начала 1941 г. успели провести лишь рекогносцировку укрепрайонов.

Надо сказать, что советское военное руководство осознавало запаздывание с началом строительства на появившейся летом 1940 г. новой границе в Прибалтике. В 1941 г. было решено наверстать упущенное. Соответственно, из выделенных на фортификационное строительство 1941 г. 1 млрд 181,4 млн рублей около 50 % предназначалось для ПриОВО, 25 % – для ЗапОВО и 9 % – для КОВО. Всего на оборонительное строительство в ПриОВО предназначалось 458,9 млн рублей. Протяженность оборонительного рубежа от Балтийского моря до границы с Западным особым военным округом составляла около 350 км. К первой очереди строительства на этом рубеже относилось строительство 160 батальонных районов, в системе которых создавалось до 2000 бетонных долговременных сооружений.

На всем протяжении от Паланги (побережье Балтийского моря) до р. Неман на границе Литовской и Белорусской ССР было организовано восемь УНС (управлений начальника строительства) с фронтом 20–40 км. Каждое управление имело 3–5 участков военно-строительных работ (ВСУ) со строительной программой в 40–50 железобетонных долговременных фортификационных сооружений. По плану строительство 2000 сооружений в ПриОВО предполагалось завершить осенью 1941 г. с производством монтажных работ зимой 1941/42 г. и полным окончанием работ к весне 1942 г.

Однако развертывание строительства проходило медленно. Вспоминал назначенный в марте 1941 г. начальником инженерных войск округа В. Ф. Зотов:

«Строительные организации, необходимые для выполнения оборонительных работ, еще только формировались, и призванные из запаса для их укомплектования 2500 командиров только что прибывали. Саперные и строительные батальоны тоже только что стали прибывать из внутренних округов. Строительной техники было весьма мало. Например, камнедробилок на строительстве имелось всего лишь несколько штук, это в то время, когда в течение двух-трех месяцев необходимо было изготовить до 1,5 млн кубометров щебня. Автотранспортом мы обеспечивались не более чем на 25 % потребности. Осложняли нашу работу и плохие дороги; в районе строительства мы располагали только грунтовыми дорогами, проезд по которым в весеннее время для автотранспорта оказывался крайне затруднительным, а это означало, что помимо автотранспорта требовался и конный транспорт».²⁵

²⁵ Зотов В. Ф. Инженерное обеспечение боевых действий фронта//На Северо-Западном фронте М.: Наука, 1969. С. 170.

Командующий Прибалтийским особым округом Ф. И. Кузнецов.

Вышеупомянутый майор Захарьин работал инженером-фортификатором УНС-3, а поэтому дает характеристику хода работ в рамках всего строительства. УНС-3 производило строительство на участке границы Литовской ССР с Германией, запирающем направление из р-на Сувалкской области на Лаздний, Каунас. Чтобы дать представление о состоянии строительства, остановимся на ряде развертываний работ УНС-3, которые являются до некоторой степени типичными и для всех остальных УНС.

УНС-3 и входящие в него три участка были в основном сформированы к 15.3.41 и 20.3.41 прибыли в г. Лаздний. С первых чисел апреля они развернулись на своих местах и с помощью местного населения приступили к заготовке строительных материалов (сбор камня и вывозка его к дорогам). В начале мая в УНС прибыли два строительных батальона и начали поступать механизмы, инструменты и материал. К концу мая на участках были организованы стройдворы и начали работать камнедробилки, а на двух участках приступили к земляным работам. Лишь в первых числах июня 1941 г. на всех участках были развернуты основные работы на объектах. При этом следует иметь в виду, что период затвердевания бетона в ДОС составлял по нормам 28 дней.

Как уже упоминалось, в составе УНС-3 было создано три ВСУ. Фронт каждого составлял приблизительно 7 км с глубиной 5–6 км. В каждом из них было намечено строительство 40–50 долговременных железобетонных сооружений и в районе Лаздняй – подземное железобетонное сооружение – КП. Передний край обороны был выбран вплотную к госгранице, передовые фортификационные сооружения отстояли от границы на 50–200 метров и благодаря открытой местности полностью просматривались со стороны противника. Строительство началось по всему фронту управления и по всей глубине участка.

В результате к 15 июня 1941 г. на каждом участке имелось по 6–9 забетонированных сооружений, находящихся еще в опалубке, без амбразур и вооружения. 16 июня 1941 г. была получена директива о срочном (в течение 10 дней) приведении в боевую готовность забетонированных сооружений путем закладки амбразурных проемов мешками с землей, заделки их деревом и установки в них вооружения полевого типа. УНС-3 приступило к этой работе, продолжая одновременно бетонирование новых объектов. Всего в результате проведенных работ на 22 июня 1941 г. было забетонировано 23 сооружения, но они еще находились в опалубке, не были закончены, не имели вооружения и в довершение всего не были заняты войсками.

Однако справедливости ради необходимо сказать, что УНС-3 не было лидером в строительстве укреплений. В. Ф. Зотов вспоминал: «Из строительных управлений наиболее четко и организованно вело работы 5-е управление, начальником которого был подполковник И. П. Корявко. Оно осуществляло строительные работы на правом фланге оборонительного рубежа в районе Паланги, Кретинга».²⁶

Если обратиться к сухим цифрам, то результаты форсированного строительства были следующие. Из 458,9 млн рублей в ПриБОВО было освоено 126,8 млн рублей. Полоса обороны ПриБОВО разделялась на четыре укрепрайона: Тельшайский, Шяуляйский, Каунасский и Алитусский. В Тельшайском УРе в стадии строительства находилось 366 долговременных сооружений (ДОС) на фронте 75 км. Успели построить 23 ДОС, но ни одно из них не было боеготовым к началу войны. В Шяуляйском УРе строились 403 ДОС на фронте 90 км, построили 27, боеготовые отсутствовали. Сильнейшим в Прибалтике должен был стать Каунасский УР – 599 ДОС на фронте 90 км. Однако построить успели 31 ДОС, боеготовых среди них не было. Алитусский УР не выбивался из общего ряда: 273 ДОС, построено 20, боеготовых нет.

Несмотря на достаточно условную готовность сооружений, укрепрайоны поглощали не только рабочую силу и стройматериалы, но и командный состав. В июне 1941 г. в ПриБОВО началось формирование уровских частей для всех четырех укрепрайонов: десяти пулеметно-артиллерийских батальонов, по роте связи, саперной роте в каждом УРе, артиллерийских дивизионов. Происходило все это за счет ресурсов округа. Как отмечалось в ЖБД 16-го стрелкового корпуса, «С формированием частей УР за счет дивизий в корпусе образовался большой некомплект начсостава. В стрелковых ротах осталось по одному среднему командиру».

Таким образом, в отличие от других направлений, ПриБОВО не располагал к началу войны системой долговременной фортификации, которая могла бы сдержать первый натиск сил вторжения и дать опору стрелковым частям армий прикрытия границы. С учетом изъятия комсостава, эффект от строительства четырех УРов был скорее отрицательным.

Последние мирные дни. Непосредственно у государственной границы находились от Балтийского побережья до Аусгаллен: 10, 90 и 125-я стрелковые дивизии 8-й армии, от р. Неман до Копционо – 5, 33, 188 и 128-я стрелковые дивизии 11-й армии. Следует подчеркнуть, что в массе своей эти соединения еще находились в лагерях, а не в окопах и блиндажах на линии УРов. Так, 5-я и 188-я стрелковые дивизии, корпусные артполки, батальон связи корпуса и штаб корпуса располагались в летнем лагере северо-западнее Козловой Руды (45–50 км

²⁶ Зотов В. Ф. Инженерное обеспечение боевых действий фронта // На Северо-Западном фронте М.: Наука, 1969. С. 171.

от границы). 33-я стрелковая дивизия находилась еще на зимних квартирах в городе Мариамполь и Волковышки. Собственно, на линию границы от каждой стрелковой дивизии 16-го корпуса 11-й армии привлекалось по четыре стрелковых батальона, по три батареи полковой артиллерии и по дивизиону артиллерии на конной тяге.

Генерал-майор Г. Н. Шафаренко из 188-й стрелковой дивизии вспоминал:

«Три батальона дивизии (по одному от стрелкового полка) и один артиллерийский дивизион находились на границе, остальные – как говорят, «занимались по расписанию»... В соответствии с директивой командующего округом... утром 20 июня командир дивизии Иванов П. И. провел совещание командиров частей и приказал им на следующий день провести рекогносцировку участков обороны и принять в свое подчинение находящиеся там строительные батальоны.

21 июня командиры полков вместе с небольшими группами офицеров штаба и командирами батальонов занимались рекогносцировкой. В тот же день с оперативной группой офицеров выехал ближе к границе и командир дивизии. Основные силы дивизии по-прежнему оставались в лагерях. Туда же после рекогносцировки поздно вечером вернулись и все офицеры частей, командиры полков остались ночевать на границе... Почти на 40-километровом фронте от Кибартай и южнее до оз. Вишптитис по-прежнему оставалась лишь тонкая цепочка трех батальонов».

Командующий группой армий «Север» фон Лееб.

Учитывая широкие полосы обороны соединений, такие силы лишь несколько усиливали охрану границы пограничниками. Эта картина была достаточно типичной для особых округов 22 июня 1941 г.

Столь же типичным для приграничных округов было наличие так называемых «глубинных» соединений, находящихся в процессе выдвижения к границе. В случае Прибалтийского

особого военного округа это были 11, 16, 23, 126 и 183-я стрелковые дивизии, которые совершали переброску или марши из летних лагерей или зимних квартир к границе. Еще одну группу составляли 179, 180, 181, 182, 184 и 185-я стрелковые дивизии, находившиеся в летних лагерях и на зимних квартирах. Они никуда не выдвигались. Здесь уже, скорее, имела место специфика ПрибОВО. Это были соединения, сформированные из дивизий армий прибалтийских государств.

Офицерский состав этих соединений не вызывал у командования Красной Армии должного доверия. Начальник штаба 29-го территориального стрелкового корпуса вспоминал: «Незадолго до моего приезда (он прибыл в штаб корпуса 19 июня 1941 г. – А. И.) было арестовано около 300 человек офицерского состава из-за неблагонадежности. Кроме того, по информации особого отдела корпуса, были заготовлены списки на две с лишним тысячи человек сержантского и рядового состава, которые подлежали изъятию из частей корпуса...»

В журнале боевых действий Северо-Западного фронта было прямо сказано: «Сосредоточение войск СЗФ опаздывало на 5–7 суток». Далее эта мысль развивалась: «Главный же вывод для войск СЗФ заключался в том, что немцы при такой группировке имели полную возможность бить наши войска по частям, т. е. в первую очередь части прикрытия 7–8 сд, потом мото-мех. части – 12 и 3 мк и наконец резервы, которые подходили на 5–7-е сутки войны».²⁷

18 июня последовал приказ № 00229 командующего округом Ф. И. Кузнецова о «приведении в боевую готовность театра военных действий». По этому приказу в боевую готовность приводилась ПВО округа, средства связи. Помимо традиционных мер Ф. И. Кузнецов предписывал «создать на телшяйском, шяуляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Штат этих отрядов, формируемых за счет саперных частей и выделяемых начальником Автобронетанкового управления автотранспортных средств, разработать и доложить мне 19.6.41 г. Готовность отрядов 21.6.41 г.». Также Ф. И. Кузнецов отдал распоряжение по выдвижению к границе механизированных и стрелковых соединений. В 23.10 16 июня в штаб 12-го механизированного корпуса был доставлен пакет из штаба округа. В 23.00 18 июня соединения и части мехкорпуса выступили в марш, а уже 20 июня вышли в назначенные районы (находившиеся ближе к границе). Также 18 июня был поднят по тревоге и выведен из мест постоянной дислокации 3-й механизированный корпус.

²⁷ ЦАМО РФ. Ф. 221, Оп. 1351, Д. 200, Л. 2.

Командир 10-й стрелковой дивизии генерал-майор И. И. Фадеев вспоминал: «19 июня 1941 года, до начала военных действий, было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И. Ф. Николаева о приведении частей дивизии в боевую готовность. Во исполнение этого приказа все части дивизии были немедленно ночью выведены в свои районы обороны, заняли деревоземляные огневые точки и огневые позиции артиллерии. После этого командиры полков, батальонов, рот на местности проверяли и уточняли боевые задачи согласно ранее разработанному приказу и плану боевых действий дивизии, доводили их до командиров взводов и отделений». Однако при рекордной, даже по меркам армий прикрытия, 80-километровой полосе 10-й стрелковой дивизии эти меры не могли обеспечить устойчивой обороны.

48-я стрелковая дивизия выступила из Риги в 23.00 17 июня. Она должна была полностью сосредоточиться у границы к 23 июня. Однако это было изначально слабое соединение. По состоянию на 21 июня 48-я стрелковая дивизия насчитывала всего 5155 человек. Она содержалась в сокращенном штате мирного времени. Выйти в полном составе на назначенные позиции 48-я сд уже не успела.

По другую сторону границы, напротив, все было готово к вторжению. Одной из тайн 22 июня 1941 г. является попавший за день до начала боевых действий в плен немецкий мотоциклист. В ЖБД 3-й танковой группы «Командир XXXIX АК докладывает, что связной мотоциклист 51-го полка реактивных минометов (германского) пересек границу в 5 км севернее Пунска и был взят в плен».²⁸ Советские данные об этом инциденте отсутствуют. Собственно, подобное пересечение границы не было исключением, прецеденты имелись. Связной, однако, мог перевозить секретные документы и вообще располагать сведениями о грядущем наступлении. Возможно, его успели допросить и доложить в Москву по телефону, что стало еще одним толчком к принятию решений. Возможно, мотоциклиста просто оставили под замком и на следующий день он был освобожден наступающими частями вермахта или погиб от немецких снарядов или бомб в охваченной пламенем заставе.

Однако подобные инциденты уже не могли остановить военную машину Третьего рейха. К 2.00 22 июня развертывание на исходных позициях было завершено.

²⁸ NARA T313 R225 frame 7488954.

Тем временем признаки готовящегося вторжения становились все более очевидными. Последней каплей стали сообщения перебежчиков с немецкой стороны. В итоге в войска из Москвы был направлен документ, оставшийся в истории как Директива № 1. В нем говорилось:

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО,
апОВО, КОВО, ОдВО.
Копия: Народному комиссару
Военно-Морского Флота.

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков.

21.6.41 г.».

С этой директивой Н. Ф. Ватулин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 московского времени 22 июня 1941 года.

Мастера «блицкрига»: 4-я танковая группа

В 3.05 утра 1941 г. берлинского времени по всей границе между СССР и Германией загрохотала артиллерийская подготовка. Артиллерийская группировка вермахта в Прибалтике не поражает ни количественно, ни качественно. Тем не менее для громкого и убийственного «концерта» орудий было достаточно. В журнале боевых действий (ЖБД) 1-й танковой дивизии появляется запись: «Небо дрожит от разрывов. Под прикрытием массированного артиллерийского огня батальоны начинают атаку». В истории соединения этот момент описан так: «еще до того, как в 3.45 огонь внезапно умолк, штурмовые группы саперов и стрелков уже ползли к границе. Прижимаясь вплотную к земле, они отодвинули в сторону первые заграждения. Вскоре полетели ручные гранаты, загремели связанные и сосредоточенные заряды. Предрассветные сумерки снова наполнились вспышками от палящего оружия всех калибров».²⁹ Война Германии против Советского Союза началась.

Нет ничего удивительного в том, что столь же ярким и запоминающимся первый день войны стал для солдат и командиров Красной Армии. Приближение войны чувствовали, к ней готовились. В тот первый день еще никто не знал, что впереди ждут тяжелые поражения, отступление до Москвы, Ленинграда и даже Волги. В журнале боевых действий 8-й армии начало войны описано живо, даже поэтично: «В 4.20 оперативный дежурный майор Андрущенко вбежал в блиндаж оперативного отдела и взволнованным голосом объявил: «на всей границе немцы начали артиллерийскую подготовку». Одновременно с этим начальник штаба 8 армии генерал-майор Ларионов разговаривал по телефону с к-ром 11 ск генерал-майором Шумиловым; последний докладывал, что немцы усиленно обстреливают Таурогген, частям приказано выдвинуться в свои районы. Артподготовка началась ровно в 4.00».³⁰

²⁹ Stoves Rolf, 1. Panzer-Division 1935–1945. Chronik einer der drei Stamm-Divisionen der deutschen Panzerwaffe, Podzun, 1962, S.185. Перевод дается по статье Анатолия Хаеца «Пять дней до оккупации Жеймялиса: 22–26 июня 1941 года».

³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 344, Оп. 5554, Д. 85, Л. 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.